

Глава 1

ДЖОЗИ

Город был полон чудовищ, представляющихся людьми. Но в конечном итоге они показали, кто они есть. А мы, остальные, заплатили за это высокую цену.

Я думала, что знаю, когда змеи лгут. Думала, что готова, но я была душой. Худшим из них был Бек Клермон. Он обвился вокруг меня и полностью завладел мною, перед тем как вонзил в меня свои клыки, и я ничего не смогла поделать.

Я стала частью его плана, ибо это было предназначено мне с самого начала. Он хорошо знал свою роль. Он злодей, а я девушка, которую он обманул — без раздумий и сомнений.

Только об этом я и могла думать, когда сегодня утром одевалась и причесывалась. Я поддернула юбку повыше и подвела глаза чуть темнее, чем обычно, но эти мелочи приободрили меня.

Если он хотел выставить меня шлюхой, то я испоганю весь его гребанный мир. Я стану той шлюхой, которая лишит его всего, что он когда-либо хотел получить.

Прошла неделя после того, как он запостил в инстаграме видео с нами, в аккаунте, который бейсбольная команда пригостительной школы Клермон-Бэя ведет много лет. Об этом мне рассказала Элли. Аккаунт ведет капитан команды, его использовали, чтобы оценивать девушек: насколько они привлекательны, по мнению команды.

По словам Элли, хорошо, что это видео доступно только подписчикам этой страницы, но ведь его увидели не только Бек и я, и это просто ужасно.

Я отдала Беку часть себя — девственность, и я была в ужасе. Рассержена. В бешенстве. Вне себя от ярости.

Мне не хотелось встречаться с Беком Клермоном и видеть его гребаное самодовольное лицо.

Но мой отец настоял на том, чтобы я отправилась в школу. Он требовал, чтобы я вернулась туда. И неважно, что я умоляла о переводе в старшую школу Клермон-Бэя, но отец был непреклонен: его дочь не станет учиться в государственной школе, сказал он, ведь ему не все равно, что делает и что не делает его дочь. Судя по тому, что я услышала из спора между ним и Эмилией, он не собирался позволять такое неуважение к его семье. Для него это что-то вроде пощечины. Я никогда не видела его в таком гневе. Я прежде не боялась его.

Но, когда мы вышли из дома Бека, отец меня напугал: он не скрывал своего гнева, когда мы садились в его машину, и я могла думать только о предательстве Бека, а он мог думать только о том, что его предала я.

Лукас обнимал меня, пока я плакала. Отец кричал на меня, обвиняя в глупом поведении, и я знала, что

заслужила его гнев. Я и впрямь вела себя глупо и была полной идиоткой.

Но не было нужды выслушивать то, что он хотел сказать, и слушать нотацию о том, что, доверившись Беку, я совершила ошибку. Это и так ясно всем.

Все ясно видели то, что он сделал со мной. Я даже не знала, можно ли назвать это предательством, ведь он как-никак с самого начала понимал, что делает. Я была лишь частью его плана, только и всего. И неважно, что я позволила себе думать иначе.

Как же мне не хватало матери. Она тоже разочаровалась бы во мне, в этом я не сомневалась, но она знала бы, как это исправить и как мне помочь. И она помогла бы мне не так, как это сделал мой отец.

Он закрыл доступ к этому видео уже через два часа и связался со своими адвокатами еще до того, как мы вернулись в его дом. Я не понимала, что это могло дать, потому что ущерб, который нанес мне Бек, нельзя исправить.

Это стало очевидно, когда я шла по коридорам приготовительной школы Клермон-Бэя. Судя по тому, как все смотрели на меня и шептались у меня за спиной, можно не сомневаться, что каждый учащийся этой школы просмотрел видео с моим участием.

Я-то посмотрела его сотню раз и злилась все больше и больше. И при каждом просмотре у меня возникало чувство, будто я тону и никогда не смогу отыскать путь на поверхность.

Видео было без звука, но и так ясно как день, что происходило. Я лежала на краю бассейна, на мне только мокрый бюстгальтер. Тело Бека загоражива-

ет от камеры большую часть моего тела, но это неважно.

Его голова между моими ногами, мои пальцы вцепились в его волосы, я умоляю его о большем. И нет нужды в звуке, чтобы понять, о чем я прошу, потому что это ясно читалось по моему лицу и по тому, как двигалось мое тело.

Видео короткое — всего двадцать три секунды, но этого достаточно, чтобы стало ясно, что именно происходило между ним и мной и чего я не могла видеть. Они могли рассмотреть все куда лучше, чем я, всю картину полностью, а я видела только его. Я была всего лишь пешкой в его игре, которую он использовал для удовлетворения извращенного чувства мести.

И что он сказал тогда в своей комнате? Что Лукас сделал то же самое с Фрэнки, и даже хуже. Тогда я была слишком зла, чтобы услышать его, но с тех пор я могла слышать только это. Если Лукас сделал то, что сказал, если он напал на Фрэнки, то почему продолжает жить так, как жил. Я не могла понять, как такое нападение могло остаться без последствий.

Когда я попыталась сказать об этом отцу, он прекратил разговор еще быстрее, чем распространение того видео. Он и так уже разозлился из-за произошедшего, а тут вообще вышел из себя оттого, что я посмела поверить тому, что сказал Бек. И я понимала почему. Этот парень только что разрушил мою жизнь. Он трахнулся со мной, обманул мое доверие, забрал мою девственность, а я продолжала прислушиваться к тому, что он говорил. Я продолжала верить ему, а не тем, в ком текла моя кровь.

Бек — лжец, жестокий и низкий, и неважно, что он выглядел искренним, говоря, что он не сливал видео в Сеть. Я знала, что это вранье, хотя мое сердце и говорило обратное.

Все во мне хотело, чтобы происходящее оказалось всего лишь чем-то вроде кошмара. Мне не верилось, что Бек способен на такую жестокость, тем более когда я начала западать на него. В голове не укладывалось, что происходящее может быть правдой.

Глупые мысли! Я и оказалась в этом положении как раз потому, что была глупой девчонкой. С тех пор как я повстречалась с Беком, стало понятно, что ему нельзя доверять. Черт побери, он сам сказал мне об этом. Но я не хотела этого слышать.

«Потаскуха». Пытаясь не обращать внимания на это оскорбление, я протискивалась к своему шкафчику. Мне плевать и на этих людей, и на их мнение. Вот что я собиралась себе сказать! Мне нет дела до этих людей, и я забуду о них, когда отец наконец отдаст мне ключи от дома моей матери. Впрочем, я и до этого не позволяла им парить мне мозги.

Я набрала комбинацию замка своего шкафчика и открыла его. До второго урока мне не придется иметь дело с Беком, но на первом уроке я столкнусь с Кэми. Неизвестно, чего от нее ожидать, но я знала, что не готова к встрече. Она так добра ко мне, а я трахалась с парнем, который то ли ее бойфренд, то ли нет.

Мне плохо не потому, что Бек сломал меня, а потому, что меня переполняет слепящая ярость. Мне должно быть по барабану, что думает Кэми и что она почув-

ствовала, увидев это видео. В моем сознании нет места ни для нее, ни для ее чувств.

И если она в самом деле так близка к Беку, как она внушала всем, я не могла представить, что она не в курсе, что он делал со мной. Она должна была знать, что он использует меня, что я часть его игры и что он собирается сделать. От этой мысли моя ярость усилилась.

Я чувствовала, как все, кто проходит мимо, смотрят на меня. Для них я всего лишь занимательное зрелище, увлекательная тема для сплетен, и мне хотелось наорать на них, уничтожить всех, разрушить маленькую, безусловно устроенную жизнь каждого из них, но от этого мне никакого толку.

Единственным человеком, об уничтожении которого мне следовало бы беспокоиться, был Бек Клермон. Он разбил меня вдребезги, и я хотела сделать то же самое с ним. Более того, я хотела заставить его испытать те же чувства, которые он внушил мне, а затем ткнуть лицом в грязь.

Я взяла из шкафчика учебник и, выпрямившись, направилась на урок. Ученики уступали мне дорогу, и это меня даже радовало.

Когда я вошла в класс, там воцарилась зловещая тишина, но я сделала вид, будто ничего не замечаю. Шла, высоко держа голову, мимо столов, за которыми сидели сплетничающие говнюки, и пыталась всем своим видом показать, что мне скучно на них смотреть.

Не раздумывая, я села на место, на котором сидела с тех пор, как начала учиться в этой школе. И мне плевать, что оно рядом с Кэми. Я не испугаюсь и не отступлю.

Она уже сидела на своем месте, когда я села, и я не посмотрела на нее, хотя и почувствовала на себе ее взгляд. Если ей есть что сказать, то пусть выскажет. Это могут сделать все. Но обращать на них внимание первой я не стану, нет.

— Ты что, серьезно? Ты и правда хочешь здесь сидеть? — ехидно спросила Кэми еще до того, как я успела достать из рюкзака тетрадь.

Я посмотрела на нее: такая же невозмутимая, как всегда. Непохоже, что она расстроена из-за бойфренда, который ей дорог, и у нее разбито сердце.

— Вот именно, хочу. — Я достала из рюкзака тетрадь и ручку, слыша перешептывание одноклассников.

— Убирайся, мерзавка! — твердо сказала Кэми, а я открыла тетрадь. Мне надо продолжать хорошо учиться, если я хотела получить то, что осталось мне от моей матери и что сейчас удерживал в руках мой отец. Я не дам им украсть у меня мое будущее, ведь это единственное, что у меня есть.

Я приготовила школьные принадлежности, а потом взглянула на Кэми. Она такая красивая, и я знала, что она это знает. Она королева, а я для нее пыль, как и для него.

Она хорошо сыграла свою роль. Я в этом уверена, потому что никто из этих ребят никогда не бывал искренним.

— Иди в жопу, Кэми! — За моей спиной кто-то потрясенно ахнул, но мне было все равно. Я почувствовала, как у меня вспыхнуло лицо, и видела только одно — это чертово видео, проигрываемое опять и опять.

На лице Кэми отразилось потрясение, как будто она, как и остальные, ожидала, что я сломлена. Но они примотались не к той девушке — я не такая, как они думали. Я не из тех, кто сдастся просто потому, что они решили, будто победили меня. Я не позволю им обращаться со мной так, будто я чем-то хуже их.

— Что ты сказала? — Она огляделась по сторонам, и я поняла, что она проверяет, смотрят ли на это остальные. Кэми никогда не делала того, что не давало ей возможности пустить окружающим пыль в глаза.

— Не стану повторять! — Глядя перед собой, я устроилась поудобнее на своем стуле.

— Мне следовало понять по твоей фамилии, что ты дряннь.

Я не понимала, почему ее слова так напрягли меня. Моя фамилия произвела на нее немалое впечатление несколько недель назад. Она была для нее важнее, чем я сама.

Я поднялась и увидела проблеск страха в ее глазах, когда подошла к ней. Кэми считала, что она лучше всех, но это вовсе не так. Она такая же, как и все остальные. А может, еще более пропадающая.

Я положила одну руку на стол, другой оперлась на спинку ее стула и придвинула лицо к ее лицу.

— Тебе хватает наглости называть меня дрянью. — Ее глаза сузились, но я еще не закончила. Я понизила голос, чтобы меня слышала только она: — Пусть мы обе трахались с Беком, но в отличие от тебя я не трахаюсь с женатым мужчиной.

Ее глаза потрясенно округлились, и я поняла, что она не ожидала, что мне это известно. Но ее мимики

достаточно, чтобы понять: так оно и есть. Ей было не по себе оттого, что я это знаю. Она оглядела класс, но здесь нет никого, кто готов спасти ее.

Я не собиралась никому рассказывать, чем она занимается, но была готова использовать эту информацию, если она не оставит меня в покое. Я не стану служить ей боксерской грушей, когда она заслуживает всеобщей ненависти.

— Кто тебе это сказал? — Ее голос дрожал, и мне стало почти жалко ее.

— Похоже, мы обе доверяли не тому парню. — Я отошла от ее стола и, не говоря ни слова, вернулась за свой.

Больше она не сказала ни слова. Не издала ни звука. Но это не остановило перешептывания. А когда я отворачивалась, они отводили взгляды. Это раздражало, и я обрадовалась, когда прозвенел звонок. Вышла из класса и, не глядя ни на кого, пошла в туалет.

Я пробыла в школе только один урок, но уже была растеряна, и мне как-то не по себе. А на следующем уроке мне придется иметь дело с Беком. Он будет здесь с безупречным лицом, с безупречным телом и с жестоким гребаным сердцем. Я могла без проблем справиться с девчонками вроде Кэми, но я не знала, смогу ли я противостоять ему.

Как бы мне ни хотелось быть смелой, он сломил меня, и вот я собираюсь сидеть и делать вид, будто все это меня не кольшет.

Неважно, что он звонил мне и писал после того, что произошло. Сначала он попросил меня выслушать его, дать возможность объясниться. А затем написал про-

сто: «Прости меня». Его извинение было лживым, и мы оба это знали.

Я не дам ему возможности что-то там объяснять, потому что, даже ненавидя его, знала, что он мне небезразличен, его вид и слова по-прежнему действовали на меня.

Я посмотрела в зеркало, подставив руки под струю холодной воды. *Я смогу ему противостоять.* Знала, что смогу.

Я могла бы надеть маску, как это сделал он, и скрыть свои чувства. Надо только сегодня продержаться, завтра будет легче. Если я могла иметь с ним дело раньше, то смогу и теперь. Я глубоко вздохнула и выключила воду. *Ты можешь это сделать, Джози!*

Я не напугана. Если он хочет внушить мне страх, то у него ничего не выйдет. Я не боюсь его — я его ненавижу. Ненавижу всеми фибрами души.

Быстро высушив руки, я толкнула дверь туалета, едва не столкнувшись с Фрэнки. И застыла, встретившись с ней глазами. Она открыла рот, как будто хотела что-то сказать, затем поспешно закрыла. Понятия не имею, что она вообще может сказать. Даже если то, что сказал о ней Бек, правда. Она должна понимать, что то, что сделал Бек, неправильно. Если он считал, что Лукас — это зло, то сам он тоже был злом.

Но часть меня знала, что это не одно и то же. Если то, что он сказал про Лукаса, правда, если Лукас в самом деле напал на Фрэнки, все равно то, что сделал Бек, не шло с этим ни в какое сравнение.

И неважно, что мне было больно и я хотела заплатить Беку за ту боль, которую он мне причинил. При

виде Фрэнки я чувствовала только одно — печаль, такую же, какую видела сейчас в ее глазах. То, что пришлось пережить Фрэнки, наложило на нее печать. Достаточно посмотреть ей в глаза, чтобы увидеть это. Она хорошо умела скрывать свои чувства под маской, но не так хорошо, как ее брат.

— Извини. — Я протиснулась мимо нее, и она улыбнулась.

Я догадывалась, что она хочет что-то сказать, и у меня тоже было желание поговорить, спросить ее, правда ли то, что сказал о ней Бек, но я не решалась задать ей вопрос.

Несмотря на то что нехватка правдивой информации разъедает меня изнутри, я не стану подвергать ее такому испытанию только затем, чтобы поднять себе настроение.

Я стиснула лямки рюкзака и, высоко держа голову, пошла на второй урок. Даже не видя Бека, поняла, что он в классе. Я почувствовала это. Посмотрела на его место: действительно он здесь. Похоже, он зол, раздражен, и это только рассердило меня еще больше: он не имел права чувствовать злость из-за чего бы то ни было. Он не имел права ни на какие чувства, если речь шла обо мне.

Все остальные смотрели на нас и молчали, пока я шла к своему столу. Интересно, так будет весь день? Станут ли они и дальше следить за тем, что я делаю?

Приготовительная школа Клермон-Бэя токсична, но я знала: дело будет обстоять точно так же, даже если я переведусь в старшую школу Клермон-Бэя. Элли сказала мне, что там тоже все говорят о том, что про-